

Ростовская Мария Федоровна

**Четыре времени года:
Рассказы из деревенского
быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Федоровна Р.**
Четыре времени года: Рассказы из деревенского быта / Ростовская Мария
Федоровна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 82 с.

ISBN 978-5-519-83543-5

ISBN 978-5-519-83543-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗИМА.

ВЪ НОЯБРѢ мѣсяцѣ обыкновенно становится зима, и не смотря на снѣгъ и морозъ, у насъ въ Россіи такъ бываетъ хорошо, что самые южные климаты могутъ намъ позавидовать.

Что можетъ быть лучше нашего бѣлаго, мягкаго саннаго пути, нашего яркаго, блестящаго солнышка, когда голубое небо рѣзко отдѣляется отъ серебристой, бѣлой пелены, покрывающей нашу родную землю на безконечное пространство?

Какъ весело кататься въ саняхъ!

Какъ весело играть въ снѣжки!

А горы? — что за прелесть!

Въ одной деревнѣ, на берегу Волги, живетъ добрый старичекъ Тимошей Потапычъ. У него двѣнадцать человѣкъ внучатъ, и все такіе славные ребята, что стоитъ поразска-

затъ городскимъ дѣтямъ, какое бываетъ у нихъ зимою веселье.

Деревня, въ которой они живутъ, называется Орлы, и выстроена на нагорномъ берегу Волги.

Двѣ избы Потапыча—крайнія на выѣздѣ.

Старикъ живетъ въ нихъ съ двумя сыновьями, Иваномъ и Андреемъ, съ ихъ женами, Ѳедосьей и Марьей, и съ цѣлою кучею внучатъ, изъ которыхъ старшему четырнадцать лѣтъ.

Всѣ они довольно тѣсненько помѣщаются въ двухъ избахъ, но никому и въ умъ не приходитъ, что тѣсно. Благо тепло... и то слава Богу!

У Потапыча изъ внучатъ семь мальчиковъ и пять дѣвочекъ.

Мальчиковъ зовутъ:

Старшаго — Тимоша,

Потомъ — Сидорка,

Потомъ — Никишка,

Потомъ — Антипка,

Потомъ — Николка, и наконецъ двухъ самыхъ меньшихъ, для различія, одного зовутъ Сѣмка, а другаго — Сенька, хотя оба они Семёны.

Дѣвочекъ зовутъ, старшую Акуля, потомъ: Ѳеня, Наташа, Поля и Катя.

Зимой ребятишкамъ почти никакой работы нѣтъ, и поэтому, въ хорошую погоду, весь этотъ мелкій народъ на дворѣ, съ утра до вечера.

Сидорка и Никишка однихъ почти лѣтъ, и хотя двоюродные братья, но чрезвычайно похожи другъ на друга; оба они замѣчательно ловки и проворны.

Смастерить салазки, надо попросить Тимошу или Антипку, а прокатить съ горы на Волгу, по длинному раскату, лучше Сидорки никто не съумѣетъ; развѣ только Николка сядетъ на другія салазки, вслѣдъ за нимъ, руки подбоченить, да такъ ловко пусться по льду, правя ногами, что часто Сидорку догонитъ и опередитъ.

А Сенька и Сѣмка — пресмѣшные мальчишки!... ну точно два кулька, въ своихъ толстыхъ кафтанахъ, поверхъ полушубковъ. Они кубаремъ катаются съ горы или, ухвативъ за ноги кого нибудь изъ дѣвочекъ, потащатъ и её съ собою, съ крикомъ и смѣхомъ.

Гора, въ Орлахъ, самую природою устроена, и весь трудъ ребятишекъ состоитъ въ томъ, чтобы разметать снѣгъ, когда, послѣ сильныхъ морозовъ, онъ снова покроетъ укатанный уже скать.

Весело видѣть, какъ дѣти всей деревни толпятся на самомъ верху горы, впрочемъ

всегда подъ предводительствомъ Тимоши и Сидорки, старшихъ внучатъ Потапыча: они главные зачинщики всѣхъ затѣй. Тутъ же и Потапычъ самъ, и его дѣти, и полдеревни иногда соберется полюбоваться на ребятишекъ и посмѣяться ихъ веселью. Весело видѣть, какъ они катаются: кто на салазкахъ, кто въ кучѣ на лубкѣ, а нѣкоторые и, просто, сядутъ обнявшись двое, трое вмѣстѣ, и, обметая кафтанами снѣгъ, рассчитаютъ на горѣ ледъ и ѣдутъ себѣ превесело и прешибко даже и по раскату.

Потомъ надо видѣть, какъ смѣшно вся эта компанія поднимается опять въ гору: кто тащитъ салазки, кто самъ по себѣ и одинъ, да не можетъ взобраться: скользить и падаетъ въ снѣгъ, то направо, то налево.

Больше всѣхъ смѣшати народъ Сѣмка и Сенька. Они мальчики еще маленькіе, кафтаны на нихъ претяжелые, шапки мѣховыя нахлобучены почти до бровей; морозомъ щеки такъ нарумянило, что рожицы, точно маковъ цвѣтъ, выглядываютъ изъ подъ шапокъ. Рукавицы на нихъ отцовскія, и поэтому просто смѣхъ смотрѣть, какъ эта уморительная пара кряхтитъ, пыхтитъ и наверхъ взбирается.

— Сёмка, помоги! говорить Сенька, хватаясь за товарища, который кое-какъ выбрался его повыше; подай руку.... вишь все ползу назадъ...

Сёмка, чтобы самому не свалиться, кричить:

— Пусти кафтанъ.... эй пусти... Сенька!.... я и самъ чуть-чуть лѣзу.... давай руку.... давай руку.... давай.... я и такъ тебя подтяну!...

Тутъ Сёмка протягиваетъ свою ручёнку въ огромной рукавицѣ; Сенька поспѣшно за нее хватается; Сёмка съ усиліемъ дернулъ, чтобы помочь товарищу; Сенька крѣпко за рукавицу уцѣпился, но рукавица съ руки Сёмки вдругъ съѣхала и оба мальчика повалились, одинъ въ снѣгъ, а другой по утоптанной тропинкѣ, внизъ подъ гору. Всѣ ребята хохочутъ, а Сёмкѣ съ Сенькой не до смѣха: они и вправду не могутъ, не смотря на всѣ усилія, взобраться на верхъ.

Забавна еще очень десятилѣтняя Оеня:

Голова ея повязана желтымъ платкомъ; кафтанъ на ней старый, бабушкинъ, сѣраго крестьянскаго сукна, съ новыми большими заплатами. Онъ ей слишкомъ на полъ-аршина длиненъ: вотъ она его и поддернула, и опоясалась дядинымъ кушакомъ. Потомъ Оеня выпросила у бабушки шерстяныя пер-

чатки и валенки, почти съ нее величиною; но, не смотря на этотъ неловкій нарядъ, она такая лихая и проворная дѣвочка, что справляется съ салазками не хуже Сидорки.

Кафтанъ подберетъ, сядетъ на салазки верхомъ, передъ собою посадить когонибудь изъ маленькихъ, а другому велитъ прицѣпиться кое-какъ сзади, ухвативъ ее за шею, и, подвигая ловко салазки ногами или, лучше сказать, бабушкиными огромными валенками, она лихо спускается съ горы, хлопая въ ладоши, чтобы всѣмъ показать, что, и безъ помощи рукъ, салазки катятся прямо по льду, и въ снѣгъ не заѣзжаютъ.

— Ай да Оenea! кричатъ ребятишки со всѣхъ сторонъ.

— Она у меня ухъ какая лютая! приговаривалъ старикъ Потапычъ; не дѣвка, а козырь!.. ей бы парнишкой родиться.

— Нужды нѣтъ, что она не парнишка, со смѣхомъ отвѣчалъ Михайло, отецъ Оении; она, небось, не пропадетъ: на все ловка. Ужъ на что около лошадей—и то не хуже другаго и взнуздаетъ, и запряжетъ, и стоймя себѣ такъ таки прокатить, что любо!

— Гляди-ка, гляди-ка! продолжалъ Потапычъ; на гору-то какъ проворно лѣзетъ и салазки тащить, да еще и Катьку на спину посадила.

Өеня, дѣйствительно, салазки привязала къ поясу, а двухлѣтнюю Катю, закутанную въ шубу, изъ которой ее головѣнка торчала точно бѣлый грибокъ, посадила на спину, придерживая за ноги правою рукою, лѣвою же подбирала длинный свой кафтанъ и легонько поднималась по крутому скату на верхъ, такъ же ловко и легко, какъ какая нибудь коза или кошка.

Лишь только Өеня добралась до верху, какъ спустила на полъ Катю и бросилась тутъ же на спину, въ бѣлый какъ пухъ снѣгъ, раскинувъ руки.

— Ухъ, какъ жарко! сказала веселымъ голосомъ дѣвочка; полежу и отдохну.

Она головою такъ въ снѣгъ и ушла; рожица ея дѣйствительно пылала отъ усталости, сильнаго движенія и свѣжести воздуха. Черные глаза подъ длинными, пушистыми рѣсницами, казалось, сыпали искры: такъ они блестѣли; но, не смотря на все это, Өеня простуды не боялась, преспокойно отдыхала въ снѣгу, да никому изъ старшихъ даже не приходила мысль, что она можетъ занемочь.

Въ деревняхъ гораздо больше нашего привыкли къ воздуху, и поэтому то, что въ городѣ было бы большою неосторожностью,

въ деревнѣ съ рукъ сходить, какъ ни въ чемъ не бывало.

Покуда ребятинки веселятся на горѣ, на улицѣ, чуть чуть подалѣе второй избы Потапыча, собралась другая кучка дѣтей, подъ начальствомъ Никишки; ему помогаютъ Акуля и Поля и нѣсколько другихъ ребятъ. Они строятъ изъ снѣгу мечеть и какъ муравьи хлопочутъ около своего хрупкаго строенія. Мечеть выходитъ довольно большая и съ боку башня или каланча, какъ говоритъ Никишка, ухлопывая снѣгъ голыми руками.

— Акулька! кричитъ мальчикъ; ты хлопай крѣпче; что рукъ-то жалѣешь? онѣ не сахарныя, не растають.

— Чего жалѣть! отвѣчаетъ дѣвочка; и безъ того онѣ какъ огонь горятъ.

— Оно и лучше, не озябнуть, продолжаетъ Поля, прихлопывая изо всей силы дощечкой по стѣнѣ башни.

— Выше, выше уколачивай! опять кричитъ Никишка.

— Куда выше—и то руки не хватаютъ, отвѣчаетъ Акуля, удвоивая стараніе.

— Давай я тебя подсажу, говоритъ Никишка; и прежде чѣмъ дѣвочка успѣла опомниться онъ её подхватилъ прижалъ къ снѣжной стѣнкѣ и, подталкивая правымъ плечемъ,